

Никита Семин

СЫН ПОМЕЩИКА 11

Никита Семин

Сын помещика 11

«Автор»

2026

Семин Н.

Сын помещика 11 / Н. Семин — «Автор», 2026

Контр-адмирал Краббе пригласил Романа в столицу. Теперь ему предстоит долгое путешествие по землям империи и новые вызовы уже в самом Петербурге. Правда едет он не в одиночестве, а с сестрами Скородубовыми, так что скучать ему не придется.

© Семин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Никита Семин

Сын помещика 11

Глава 1

8 — 9 ноября 1859 года

— Подъезжаем, господин! — постучался в форточку Тихон.

Я восторженно и обрадовался. Каким бы ни был удобным диван, но сидеть четыре часа к ряду на нем — то еще испытание. Даже пара остановок в пути, чтобы «оправиться» и ноги размять не сильно помогли. Девушки тоже воодушевились. Мы лишь первый час с ними занимались репетицией, после чего «мычать» я устал, да и Настя с Аней с непривычки много воды пили — в горле пересыхало. И до кустиков бежали во время остановок одними из первых. Тот еще цирк — нормальных туалетов вокруг нет, приходилось нам с Тихоном одно одеяло натягивать, чтобы со стороны на них никто не смотрел. Еще и грязь на дороге не способствовала желанию сильно по ней ходить, заставляя топтаться на месте. И ведь и ноги размять охота, и тащить в карету мусор нет никакого желания. Да уж, с удобствами в пути настоящая проблема. Может, походный туалет «изобрести»? Ту же палатку, как в будущем, из ткани со специальным ведром. И натягивать ничего не надо будет. Только складную раму продумать, быстро возводимую.

Митрохин, в чьих землях по плану Георгия Витальевича мы решили остановиться, для путешественников организовал подворье. Довольно широкий двор с колодцем и двумя одноэтажными зданиями — постоялый двор и конюшня. Тут нас уже ждали, не иначе Артюхов вперед кого послал, чтобы предупредили о нашем прибытии. Потому поздний ужин уже был готов, хоть и не для всех. Возницы принялись расставлять дилижансы и кареты, выпрягая лошадей. Их нужно было напоить, накормить и отвести на ту самую конюшню. Там даже печка была сложена для отопления — зимой незаменимая вещь, без которой скотина просто простудится и умрет. Да и сам транспорт нуждался в обслуживании — счистить налипшую грязь, проверить крепление колес на оси, чтобы те в пути не слетели, у лошадей проверить надежность крепления подков. Мало ли — мог камушек какой попасть, да и саму грязь с копыт им счистить следовало. Много дел у возниц еще было, прежде чем на отдых отправиться. Тихон к ним прибил, так как выполнял больше роль кучера сейчас, чем моего слуги.

Пока возницы были заняты, пассажиры двинулись в сторону постоянного дома. Он был поделен на две части: одна большая комната-столовая и ряд небольших комнаток-ночлежек. Кроме сбитых из досок кроватей там ничего и не было. Да и сами кровати матрасов как таковых не имели, а вместо них была настелена солома, поверх которой бросили домотканые одеяла. В стороне стоял туалет. Но это для слуг, так как дворянам предлагались горшки, как в поместьях, которые потом вынесут крепостные Митрохина. Комнаток в доме было немного — лишь половина людей из нашего каравана, даже если не считать возниц, могла на них переночевать. Поэтому их отдали адмиралу и людям из его свиты с самым высоким чином. Исключение сделали лишь для моих дам. Мне же предстояло ночевать в карете. Возницы планировали разместиться на конюшне, а тем, кому не досталось мест, устраивались в дилижансах.

— Вкусно пахнет, — оптимистично заметила Настя, когда мы вошли в зал местной столовой.

Не скажу, что запах был прямо с ног сшибающим, но аромат жареного мяса после долгого путешествия будил аппетит почище любого церковного колокола по утрам. Поэтому я быстро проводил дам до выделенной им комнатки, в которой кстати обычно размещалось по четыре человека, но Насте с Аней в силу их пола досталась комната на двоих. Меня к ним естественно

не подсеяли третьим. Даже если бы мы с Настей были уже мужем и женой, то из-за присутствия Анны мне ночевать с ними было не след. Там они оставили свои сумочки, оправились и вскоре вышли к столу.

Сами столы были длинными с рядами лавок вдоль них. Никаких излишеств, и на аристократов тут практически не рассчитывали. Больше бы местная «гостиница» подошла какому-нибудь купцу с нанятыми работниками. Или проезжему люду не высокого происхождения. Как я понимаю, предполагалось, что аристократы должны были выезжать из того же Царицына утром, чтобы к вечеру быть уже в Калаче. А вот там, как я думаю, должны быть приличные доходные дома. Увы, но наш караван был слишком большим, чтобы его можно было так быстро собрать.

Расположились мы за одним столом с Николаем Карловичем, который пожелал поговорить со мной.

— Роман, — начал адмирал, когда первый голод был утолен, — я помню, что ты говорил о капризной музе, но все же — подумай о еще одной песне наподобие «Петропавловска». Как видишь, времени в пути у тебя будет изрядно. В столице привыкли получать все самыми первыми, — стал он доверительно делиться со мной, — и быть «вторыми» в плане прослушивания даже столь восхитительного произведения... может вызвать неудовольствие у некоторых лиц.

— А новая песня его сгладит, — понимающе кивнул я.

Краббе промолчал, но тут больше слов и не требовалось. Хорошо, что я другие песни Радиотапка еще не пустил «в народ».

Тут дверь с улицы открылась, и в зал вошел дородный мужчина, судя по одежде — из дворян, скорее какой-то помещик. А через минуту выяснилось, что это хозяин местных земель — Павел Сергеевич Митрохин.

Поприветствовав всех, он обратился к адмиралу.

— Николай Карлович, я как только узнал, что вы проездом на моих землях, тут же поспешил навстречу! Приглашаю вас переночевать в моем поместье. Сами видите — здесь у меня не оборудовано для приема столь дорогих гостей. К сожалению, всю вашу свиту принять не смогу, но ваши дамы могут отправиться с вами, — и он посмотрел в сторону Насти с Аней.

— Мы не с господином Краббе! — тут же вскинулась моя невеста.

— Проще прощения, — тут же повинился Митрохин. — Но моя ошибка не отменяет предложения. Зачем таким прелестницам коротать ночь в непотребных условиях?

— Вы обращаетесь к моей невесте, — счел нужным вмешаться и я.

Второй раз этот помещик попадает впросак, о чем и сам прекрасно понял. Чтобы не нагнетать, вмешался сам контр-адмирал.

— Благодарю, Павел Сергеевич. Я с удовольствием приму ваше приглашение.

Слава богу Митрохин этим удовлетворился, и не началось наше знакомство с конфликта. Правда через час, как местный помещик с адмиралом удалились, слуги Павла Сергеевича принесли девушкам хорошие одеяла с подушками и даже зеркало с тумбочкой. Вот за это мои дамы были ему очень благодарны.

Солнце закатилось за горизонт, и большинство людей отправилось спать. Лишь несколько человек из свиты Краббе разожгли один костер за пределами подворья, вокруг которого и расселись.

Мне тоже пока не спалось, и я подсел к ним. Среди присутствующих была почти вся моя труппа. Не хватало только Тишкова. Ульян Игоревич хотел поговорить с офицерами — как нынче у них идет служба, что происходит в гарнизонах, где они побывали. Члены моей группы, как и я, с интересом прислушивались к их разговору. Потом свитские в свою очередь стали расспрашивать Завадского — как в его время служили, да что после службы он делал до знакомства со мной. Как-то незаметно разговор вильнул в сторону «бак у костра». Кто-то из труппы поежился, вглядываясь в ночь, да поделился своими страхами — мол, для нечисти сейчас самое время выйти. Наш варганщик охотно поддержал тему, припомнив историю, как вот в такую ночь безлунную, а луны нынче не было — заслонили тучи — он лютый вой слышал.

— Казалось бы — волк свою песню поет, ан нет — наутро мы сходили до того леска, откуда вой раздавался, так там на деревьях следы от когтей нашли. Большие, у волков таких не было никогда. Больше волколаку какому подошли бы, — зловещим шепотом закончил он.

— Да медведь небось свою отметину оставил, — отмахнулся сидящий с нами капитан третьего ранга.

— Что ж я, ваше благородие, когти волка от медвежьих не отличу? — обиженно спросил варганщик.

После небольшого спора, пришли к выводу — что все же когти медведя на деревьях были. Голодный небось ходил, дело-то по весне было, а волк его учуял и стаю предупреждал о шатуне.

Но на этом рассказе ничего не закончилось. Тут и другие решили поделиться жуткими историями из своей жизни. По кругу все высказались, кроме меня. Что не осталось незамеченным.

— Роман Сергеевич, а вы чего же — никогда в лес не ходили? — с доброй улыбкой спросил меня Михаил Всеславович, отвечавший в свите адмирала за проверку артиллерии. — Или с потусторонним не встречались?

— Бог миловал от встреч, — пожал я плечами. — А в лесу все объяснимо.

— И поведать нам ничего не сможете? — огорченно даже вздохнул другой офицер, у которого, как я заметил, глаза аж загорались в предвкушении интересной истории, когда слово переходило к новому участнику наших посиделок.

— Придумать разве только, — ответил я.

— Так придумайте, — заулыбался мужчина. — У творческих натур воображение хорошее, даже интересно, что вам в голову взбредет.

Все эти разговоры у костра и байки навели меня на воспоминания о творчестве легендарной, без шуток, группы — Король и Шут. Вот уж у кого что ни песня — то страшная байка.

— Если вы позволите, я не расскажу, а спою. Вы пробудили мою музу, господа, — улыбнулся я, обратившись в первую очередь к сидящим офицерам.

От такого никто отказываться не стал. Пришлось мне сходить до кареты, так как Тихон с нами не сидел, а иные не знали, где моя гитара лежит.

Вернувшись, я ее быстро настроил и ударил по струнам.

— Замученный дорогой
Я выбился из сил
И в доме лесника я
Ночлега попросил...*

* — Король и Шут — «Лесник»

Бодрый мотив встряхнул сидящих у костра людей. Все с любопытством смотрели на меня, не перебивая и прислушиваясь к тексту.

— На улице стемнело
Сидел я за столом
Лесник сидел напротив
Болтал о том, о сем...

Пока ничего мистического в тексте не было, но сам мотив и ритм песни слушателям нравился. Члены моей труппы даже попытались тихонько подпевать, когда я во второй раз пел припев. Но затем я дошел до финального куплета:

— И волки среди ночи
Завыли под окном
Старик заулыбался
И вдруг покинул дом
Но вскоре возвратился
С ружьем наперевес
«Друзья хотят покушать
Пойдем, приятель, в лес!»

Вот здесь-то все сидящие у костра люди и поняли, в чем суть и заложенная страшилка в песне. А уж когда я после припева закончил исполнение, Ульян Игоревич не удержался и спросил:

— А чего дальше-то было?

— Тут все отдается на волю вашего воображения, — разведя руки, улыбнулся я. — Может парень сумел сбежать..., а может, стал кормом для волков.

— Жутковато, — поежился Иван, наш гитарист. — А мотив такой, что вообще не ждешь подобной развязки.

Вообще сначала я не придавал значения тому, что офицеры и члены труппы сидят спокойно у одного костра и общаются почти как равные. Но потом стал замечать, что все же некая субординация соблюдается — через обращения между сидящими. Мужики из труппы никогда не перебивали офицеров, а те могли себе такое позволить. Опять же спор между офицерами и членами труппы если и возникал, то оканчивался неизменно в пользу господ. Что и заставило меня вообще задуматься над вопросом — а с чего дворяне позволили мужикам рядом с собой сидеть-то? И пока я размышлял над ним, стал более внимательно наблюдать за поведением сидящих. Тогда-то и понял причину.

Мужики из труппы — не крепостные, а из свободных крестьян. Что естественно приподнимало их статус. Это первый момент. Второе — они входили в мою труппу, то есть в глазах наших спутников относились к «творческой интеллигенции». Что еще сильнее поднимало их неформальный статус в глазах окружающих. Также офицеры видели, что мы с Завадским разговариваем с мужиками не свысока, и раз не опасаемся сами урона для нашей чести, то и им незачем вести себя также. Ну и последнее — мы все же в походе, а не на светском приеме. Здесь действуют иные правила межличностных отношений.

После меня спеть захотел Михаил Всеславович. Естественно пел он романс. Другие произведения сейчас и не знают. Точнее — среди дворян они не в ходу. Вот кто-то из моей труппы мог бы и частушку исполнить, или плясовую. Но и настроение не то, и как я видел — стесняются пока вперед офицеров что-то говорить. Лишь поддерживают разговор, да меж собой иногда что-то обсуждают.

Вечер из рассказа страшных баек плавно перетек в исполнение песен. Не бардовские, но их подобие. Разошлись мы все уже около полуночи.

Утром после завтрака все в той же «столовой» мы выдвинулись в путь. Настя с Аней выпалились, а вот я — не очень. Сказалось и долгое сидение у костра, и неудобная поза, в которой я спал. Диван в карете хоть и мягок, но по длине я на него полностью не вмещался. Поэтому прибытия в Калач-на-Дону я ждал с нетерпением. Как поделился Георгий Витальевич — там мы задержимся до утра. И выдвинемся уже десятого числа с первыми лучами солнца. Хоть посплю на нормальной кровати. И да, о палатке для создания полевого туалета я не забыл. Будет время найти швею, которая сошьет столь нужный походный атрибут, да Тихона озадачить созданием каркаса для палатки.

Путь до Калача вылился для меня в расспросы сестер — чем я занимался полночи, что носом клюю. Еле отбил. Но все же смог прикорннуть на плече любимой. Проснулся уже, когда подъезжали к Калачу, головой в декольте Анны. Сам не заметил, как так получилось. Мне было просто мягко, а как Настя позже сказала — у нее плечо устало, вот она и «перекинула» меня сестре. Чему та не возражала.

— Я слышала, что Калач — это не город, а хутор, но думала, что раз сюда дорогу железную тянут, то он будет побольше... — расстроено прошептала Настя.

Я тоже был в глубоком шоке от увиденного. Одноэтажные деревянные дома — это ладно, тут почти все так строят. Хотя в том же Царицыне двухэтажная застройка — не диво, а довольно распространенное явление. Но сейчас перед нами раскинулась деревня. С двумя

церквями, которые были чуть ли не единственной ее достопримечательностью. Были у меня шальные мысли попробовать найти здесь себе заказчика на портрет, но сейчас они улетучились как дым. Дай бог, если я хотя бы швею здесь разыщу, которая сумеет мне к завтрашнему утру палатку пошить по моему рисунку. И почему мы должны здесь стоять аж полдня-то?

Причина такой длительной остановки оказалась банальна — лошади. Как я узнал из рассказов опытных в путешествиях офицеров, обычно ездят на дилижансах от одной почтовой станции до другой. И при этих станциях всегда есть запасные свежие лошади, которых и перепрягают, что позволяет ускорить путешествие. Вот только у нас слишком большой караван — столько лошадей на станции просто нет в наличии. А потому надо им дать отдохнуть, чтобы в пути не пали.

Вот так, а я думал, что здесь будет на что посмотреть, да куда-нибудь сходить... Стало понятно, от чего театр моей тети, даже находясь столь далеко, так популярен даже в этом медвежьем углу.

Постоялые дворы здесь, тем не менее, имелись. Все же путь через этот хутор-деревню довольно удобен при сухопутном путешествии в северные земли нашей страны. От того и дорогу сюда ведут от Царицына.

Мы заселились в двухкомнатный номер. Не особо большой, и по местным меркам он считался довольно роскошным — Краббе к примеру достался почти такой же, лишь квадратов в нем было больше. Договорившись с домовником о вечерней бане, я с девушками пошел погулять по Калачу. Но как и заметил ранее — весь хутор мы буквально за четверть часа неспешным шагом обошли. Пришлось у местных мальчишек поспрашивать — можно ли где-то купить ткань и найти швею. С последним проблем не было, шитьем тут занимались почти в каждом доме, пусть и больше для себя. Но удалось найти мастерицу, которая согласилась всего за тридцать копеек пошить мне палатку для туалета по моему рисунку. С тканью и то сложнее вышло. Мне конечно шелк или тот же бархат был не нужен, но хотелось, чтобы она была легкой.

В итоге в лавке у местного купца я купил льняной отрез грязно-белого цвета и его отдал швее. До утра пообещала управиться. Мне же там никаких изысков не надо, лишь что-то наподобие мешка, только больших размеров сделать. Да с откидной стороной, где внутри должны быть пуговицы пришиты — чтобы застегнуть палатку можно было.

Больше гулять по Калачу смысла не было, и мы вернулись на постоялый двор, где я позвал Тихона. До этого парня не дергал, чтобы он спокойно наш транспорт обиходил. С ним я уже обсудил, какой каркас нужно сделать. Видел я его максимально простым и разборным. Основа — палки толщиной с черенок лопаты. Внизу из них должен быть сложен квадрат, по углам которого необходимо сделать отверстия для вертикальных опор. Размер — примерно метр на метр. Опоры — такие же палки, обточенные с одного конца, которым они будут вставляться в квадрат-основание. Между собой они скрепляются поперечинами. По одной поперечине с трех сторон, оставив четвертую для входа. Высота опор — метр двадцать примерно. А вот с крышей придется повозиться.

— Если сможешь, найди ивовые прутья, — объяснял я Тихону, — чтобы их крест-накрест меж собой связать. А концы этих прутьев можно было в палки-опоры вставить. Для того в них отверстия нужны.

— Где ж я, господин, тут ивняк добрый найду? Его загодя готовить надобно.

— Поспрашивай у местных. Если не выйдет ничего, то придется тебе наверх такой же квадрат, как у основания, делать. И тогда те же опоры не по грудь должны быть, а выше. Хотя бы метра полтора, — и я рукой показал, сколько это по высоте.

— Чудно, Роман Сергеевич, — вздыхал Тихон. — Боюсь, не успею я к утру все сделать.

— Ты других возниц тебе помочь попроси. Уже не в чистом поле оправляться будем. Остановились, поставили такую палатку, и можно по очереди в ней сделать все дела.

— Дык, на обочине привычнее, и ставить ниче не надо, — заулыбался он.

— Ты моей невесте хочешь свой уд показать? Думаешь, ей это приятно будет? — нахмурился я.

— Понял, господин, это я так... шуткую, — тут же сдал Тихон назад, сообразив, что уговорить меня отказаться от идеи, и ничего не делать у него не выйдет.

Мне было скучно, а вот Ане с Настей путешествие нравилось. Они не знали, что такое большой поток информации, и для них даже виды Калача были немалым событием, которое можно обсудить. Вот и трещали себе, сидя на кровати, пока я от скуки делал карандашом их набросок.

Эту идиллию прервал пришедший от адмирала адъютант. Что понадобилось Николаю Карловичу, я не догадывался, но был рад прогуляться.

Краббе расположился на этом же постоялом дворе, поэтому идти мне предстояло не так уж и далеко — всего-то выйти в коридор, да зайти в соседний номер.

— Проходи, Роман, — кивнул он мне на свободный стул.

Сам адмирал сидел за столом и пил чай. Впервые я увидел его не в кителе, а в обычной рубашке. Видимо и ему хотелось почувствовать хоть немного себя «дома». К теме разговора, из-за которой он меня позвал, мы перешли не сразу. Николай Карлович поинтересовался, как мне дается путешествие, как чувствуют себя мои дамы. Поделился, что пока нам везет — ни один дилижанс или карета в пути не застряли, и поломок не было.

— Но это так, лишь разминка у нас была, — хмыкнул мужчина. — Дальше до самого Воронежа крупных поселений нам не видать. Дней десять пути по деревням и хуторам даже меньше этого отмахать придется, — махнул он рукой на окно, за которым расстился Калач-на-Дону.

— Я вот заметил, что клозетов нет у дорог, — со смешком сказал адмиралу, — и моим дамам неудобно на виду у всех свои потребности отправлять.

— А до этого не догадался, что так будет? — хохотнул Николай Карлович.

— Грешен, — развел я руками. — Но уже решаю вопрос.

— И каким же образом? — тут же с любопытством посмотрел он на меня.

И я рассказал о быстро сборной палатке, которую мне уже делают.

— Занятно, — покрутил тот шеей. — Ежели все выйдет, то штука крайне удобная и в походе, я бы сказал, особенно с дамами — незаменимая. Но я не для того тебя, признаться, позвал, — решил он перейти к делам. — Мне тут доложили, что ты новую песню вчера вечером сочинил?

— Есть такое, — пожал я плечами. — Так, небольшая байка у костра в стихах.

— С открытым финалом, — добавил понимающе Николай Карлович. — Да, мне напели ее. Но я не о том. Добираться нам до столицы не менее месяца, и раз у тебя муза в пути не засыпает, то было бы очень хорошо, если ты еще одну песню для флота придумал, — затянул он опять тот же разговор, что и вчера.

— Я уже говорил, — вздохнул я. — Это...

— Это и в твоих интересах, — неожиданно жестким тоном перебил меня адмирал.

Такой резкой смены его поведения я не ожидал, и возникшая было расслабленность мигом слетела с меня. На ее место пришла напряженность и готовность к атаке. Что не укрылось от взгляда Краббе.

— Ну чего ты вскинулся? — хмыкнул он вновь добродушно. — Я ведь тебе зла не желаю. Просто подумай — как приедем, то я собираюсь ходатайствовать о твоём выступлении перед Константином Николаевичем. Однако, если у тебя будет не одна, а две песни, и желательно воспевающей не только отдаленное от столицы событие, но и что-то поближе, то есть шанс заинтересовать самого Государя! — со значением поднял он палец вверх.

— Так уж и Государя, — недоверчиво покачал я головой, а у самого мурашки по спине поползли.

— Именно. Я ведь в первый раз везу из своей командировки целую труппу ради исполнения одной песни. Уж поверь, лишь из-за этого события тобой заинтересуются. Потому — рассчитываю на тебя. И на новую песню.

Вот ведь неугомонный!

Глава 2

9 — 10 ноября 1859 года

Покидал общество Николая Карловича я весьма загруженный мыслями. Адмирал высказался однозначно — без новой песни в столице я о себе не заявлю так, как мог бы. Да я и сам хорош! Не зря ведь он мне прямо сказал — раз я за один вечер придумал песню-байку, то и про флот могу что-то написать. И мои заверения, что это не так-то и просто, и ссылка на «музу» теперь будут работать хуже. Не то чтобы совсем не работать, но склад ума у Краббе больше материальный, чем творческий. Ему результат подавай.

Хорошо хоть у меня было, что ему предложить. И выбор был довольно большой, вот только самому адмиралу я о том говорить не собираюсь. Ну как — «большой»? Три песни, которые на мой взгляд сто процентно будут и «в тему», и прогремят на всю империю. Недавно отгремела Крымская война, но она ведь не первая в истории России. У Радиотопка была песня «императрица», в которой как раз говорилось об одном из сражений за эти земли, закончившееся нашей полной победой. Вот только войска там сухопутные прославляются, а не моряки. Поэтому ее я предлагать сейчас не буду.

Второй вариант — «Гвардия Петра». На самом деле — очень неоднозначное произведение, напоминающее про одно из самых обидных поражений русской армии от шведов. Но именно тогда «родилась» современная гвардия. Все эти Семеновские, Преображенские и Лефортовские полки свою славу приобрели именно в той битве. Не отступили и позволили сдержат натиск шведов, а потом тем стало не до нас. Но опять же — это про сухопутные войска, а не флот. И эту песню имеет смысл позже «написать», когда я с кем-нибудь из гвардейцев познакомлюсь. Хорошо, что есть третий вариант — «Гангут». Вот это произведение однозначно про флот и его победу, позволившую России заявить о себе на всю Европу, а значит — и на весь мир. Просто потому, что другие страны пока не настолько развиты и не имеют такого же влияния, как европейские. Да, в «Гангуте» поется о временах Петра Первого, ну и что? Применю свою уже «фирменную» отмазку — муза так подсказала. Заодно и для адмирала намек будет, что писать «по заданию» я не могу и не буду.

Осталось лишь решить — когда ее «написать». Наверное стоит чуть попозже, через несколько дней. Чтобы ассоциации у Николая Карловича не создать — мол, дал он мне задание, а я ему тут же и выдал результат, пусть и несколько не тот, на который он возможно рассчитывает.

— Все в порядке? — встревоженно спросила Настя, когда я зашел в комнату.

— Да. А вы тут как?

— Собираемся в баню, — показала она корзинку с вещами в руке. — Слуга сказал, что она уже готова и остальные гости пропускают нас вперед.

— На тебя мы очередь тоже заняли, — улыбнулась Аня, выходя из второй комнаты. — Пойдешь сразу после нас. Потому не расслаживайся — господа офицеры готовы подождать нас, но косо посмотрят, если ты будешь там долго париться.

С этими словами девушки покинули съемный номер, оставив меня в одиночестве. Эх, жаль, что я с ними попариться не могу. Не поймут-с. Не девушки, а окружающие. Думаю, Настя с Аней были бы не против.

Сколько они будут мыться, я не знал, а сидеть одному не хотелось, поэтому я пошел на улицу. Лишь на выходе попросил местного домовника мне сообщить, когда девушки вернутся.

Тихона я застал возле нашей кареты. Материал для палатки-туалета он уже раздобыл и даже сумел привлечь двух возниц к своей работе. Основание они уже сладили. Получилось интересно — квадрат хоть и был со стороны «метр на метр», но концы двух параллельных палок чуть выдавались за его рамки. И вот в них-то и были проделаны отверстия, чтобы вста-

вить палки-опоры. Кроме основания, мужики мастерили второй такой же «квадрат» — видимо ивняк нигде не нашли. Или даже не стали этим заниматься. Сам Тихон трудился над тем, что просверливал отверстия в палке под поперечины — ножом.

— Таким макаром тебе до ночи возиться, — заметил я.

— А чем еще-то, господин? — пыхтя, ответил парень. — Струмента у меня плотницкого нету.

— А спросить у местных? Неужто у них плотника не найдется?

— Тот копейку потребует, — буркнул Тихон, — уж лучше я сам.

— Не переживайте, господин, — отозвался один из возниц, который как раз в этот момент с другой палкой-опорой возился, обтесывая ее край, чтобы вставить в квадраты-основания можно было. — У меня шило есть. Как Тихон углубится мал-мало, так уже им работать будем. Успеет до завтра.

— Главное, чтобы вы потом за вожжами не уснули, — заметил я.

— Лошадь — скотина умная, много пригляда не требует, когда в колонне идешь, — махнул рукой тот же возница.

Спорить я не видел смысла. Раз так уверены, то и пусть. Они побольше моего в этом деле знают. Я же пошел искать членов моей труппы. Надо узнать — как они устроились. А

то формально-то я их начальником называюсь, а про их быт и потребности даже ничего не спросил. Нехорошо.

Своих музыкантов я нашел в соседнем доходном доме. Тут комнаты были в разы меньше, да и самих мужиков поселили всех вместе в одну. Лишь Ульян Игоревич с Тишковым в другой комнате обретались. Но сами музыканты не жаловались — для них и этот номер был роскошью. Как я от них узнал, те же возницы вообще без нормальной кровати остались, и спать снова будут на местной конюшне. Да и не всем свитским адмирала место в номерах нашлось, но те разместились на постой у местных крестьян. Такое часто практикуется, и как я понял — до Воронежа не всегда мы будем спать под открытым небом, также возле какой-нибудь деревушки остановимся и к крестьянам обратимся. За копейку те охотно выделяют комнату господам для ночевки.

— Вы не переживайте, Роман Сергеевич, — успокаивал меня гитарист Иван, который после Завадского с Тишковым был в труппе за старшего, — все у нас хорошо. И поели из общего котла, а скоро и в баньку сходим. Не дорога — песня!

В отличие от них Григорий Лукьянович был недоволен, что ему не выделили отдельную комнату. Бурчал по этому поводу, но так — в пол голоса. Ульян Игоревич же лишь посмеивался, глядя на него.

— Вроде и не из господ, а замашки как у высокородного иногда проскакивают. И даже выше. Эх, не ходил он в походы! Вот где тяготы настоящие испытаешь в пути. Роман, после баньки мы снова хотим собраться в кружок, как вчера — подойдешь?

— Не откажусь, — кивнул я.

— И гитару захвати тогда, — попросил старик.

Уточнив, где они хотят расположиться и куда мне подходить, я отправился назад в комнату. Скоро девушки должны домыться, как бы меня домовник не потерял, а вслед за этим — я свою очередь. Но зря переживал. Пришлось еще минут десять ждать, пока мои дамы вернутся.

— Мойся быстрее, мы очень тебя ждем! — провокационно оголив плечико, прошептала Настя.

Аня тоже одарила меня самым многообещающим взглядом, заставив задуматься — неужели сестры решили попробовать «тройничок»? Или просто шутят, дразня меня? Проверить это не сложно, надо просто не задерживаться в бане, пока у них настроение не пропало.

Вот только мыться мне предстояло не одному.

— Вы тоже здесь? — удивленно вскинул я брови, увидев, как за мной следом заходит адъютант Краббе.

— Чему вы удивляетесь, Роман? — усмехнулся мужчина. — В пути часто так бывает. И особенно в походах. Жар — он ведь быстро улетучивается, а дрова денег стоят. Потому нас парами и записали. Вон, Николай Карлович вместе с Михаилом Всеславовичем мыться пойдет, только попозже.

— А чего так? — спросил я, набирая воду в деревянный таз.

По «понятиям» первым в баню всегда ходит самый уважаемый человек. В поместье — это глава рода, а уж следом все остальные, согласно статусу.

— Он сам не захотел, — пожал плечами мужчина, которого кстати звали Петр Петрович. — Николай Карлович любит в первую голову с делами разобраться, а потом уже отдыхать. Вот он нас и отправил вперед себя, чтобы зря баню не выстужать.

Мне же лучше. Помылся я быстро, но задержаться немного пришлось. Петр Петрович хотел немного попариться, вот и попросил его веником отходить. Я же париться отказался, помня многообещающие взгляды девушек.

В комнату я шел с предвкушением, но и с толикой опаски — как бы не обмануться в своих ожиданиях. Дверь оказалась заперта, и пришлось стучать.

— Кто там? — донесся голос Насти.

— Это я.

После моего ответа, дверь тут же распахнулась, и из нее вынырнула девичья ручка, которая силой втащила меня внутрь, после чего за мной также быстро захлопнули дверь, закрыв ту на ключ. Я оказался в полутьме, даже свечи не горели. За окном был еще не поздний вечер, но шторы плотно задернули, оставив лишь тонкую полоску меж ними. Только благодаря падающему из этой щели свету можно было хоть как-то ориентироваться в комнате.

Тут меня повернули куда-то в бок и в мои губы впились мягкие девичьи уста.

— Долго же ты, — прошептала Настя, прервав поцелуй, — а мы уже переживать начали.

После чего она потащила меня во вторую комнату, где спали девушки. Две кровати были уже сдвинуты вместе, и на них лежала Аня. А дальше... я узнал — каково это, пытаться уделить внимание сразу обеим красоткам. Нелегкое дело, признаться, но очень приятное. Чья это была идея, не знаю, но мне понравилось...

Тяжело дыша, Настя посмотрела на закрывшуюся за Романом дверь. Уходил он, слегка пошатываясь, что вызывало довольную улыбку девушки. Хотелось бы, чтобы он остался и с ними повалялся, но ее жених с огорчением заметил, что обещал офицерам прийти на вечерние посиделки. А слово свое надо держать.

Откинувшись на подушку, Настя вернулась в мыслях к тому моменту, как вообще родилась идея о совместной ночи на свет.

Когда они пришли в баню и разделись, то девушка невольно сравнила себя с сестрой. На ее взгляд — они очень сильно отличались внешне. И как Роман мог спутать Аню с ней? Но главное — теперь ведь нужно делиться собственным парнем с сестрой! Эта мысль не давала покоя девушке.

— Что ты на меня так смотришь? — с подозрением спросила Аня, прекратив набирать воду в тазик.

Настя не стала таить от сестры собственные мысли.

— Если не веришь, так давай проверим? — заявила Аня после слов сестры. — Встретим его после бани обнаженными — а он пусть попробует угадать, кто из нас кто?

— Нет, — замотала головой Настя.

Она побоялась, что Роман ошибется. Такой ошибки она ему может и не простить. И кто тогда виноват будет? Вместо этого она предложила сестре другой вариант.

— Я тебе обещала, что ты с Романом иногда сможешь ночи проводить. Но знаешь... я ревную. Давай, ты при мне будешь с ним... ну... ночи проводить? — окончательно тогда засмутилась девушка.

— Вместе что ли? — рассмеялась Аня.

— Да я так... в стороне побуду, — буркнула Анастасия.

— Ну уж нет! Если вместе — то до конца!

В тот момент Настя была шокирована словами сестры. Но пока они мылись, девушка обдумала предложение Ани. Да, делиться женихом ей не хотелось. Но если они будут вместе, то... это ведь Роман тогда и с Настей будет? Не только с Аней? И вот если так смотреть, то уже и не столь обидно получается. Поэтому когда они вернулись в комнату, Настя и прошептала парню пожелание как можно быстрее прийти к ним после бани. Она боялась, что может передумать.

Аня тоже заметила сомнения сестры, поэтому пока Роман мылся, начала ее «дразнить». Настояла на том, чтобы они обнаженными Романа дожидались, а потом — то рукой по боку проведет, то пошлость скажет. А затем и вовсе заявила:

— Роману же нравится массаж? А мы в том ничего не смыслим. Так может, друг на друге потренируемся?

Идея Насте показалась здоровой, поэтому она согласилась. Но в темноте, не видя, кто мнет ее спину, она представляла, что на ней сидит Роман и... В общем, когда парень вернулся, обе девушки были уже изрядно распаленные — в первую очередь собственным воображением.

Доставить Роману наслаждение одновременно сестры не знали как. Да и смущение никуда не делось, поэтому «работали» по очереди. И понял ли это Роман, или нет — так и осталось для них загадкой. Но удовольствие получили обе.

— Знаешь, — прошептала Настя, — пожалуй, я теперь не так сильно Романа к тебе ревную. Но только чур — без моего ведома ночи не проводить!

— Договорились! — выдохнула Аня.

На посиделки у костра я вышел на заплетающихся ногах. Заездили меня Настя с Аней. И даже не знаю, кто больше. А еще понял, что они успели сами до моего прихода от своей задумки распалиться, поэтому и стеснения у них почти не было. И свет максимально убрали по той же причине — чтобы не стесняться такой «срамной», но притягательной любви. Да уж, те кто мечтает иметь дело в постели сразу с двумя ненасытными женщинами — никогда сами такого не пробовали. Иначе бы поняли, как это выматывает. Одно радовало — активность они проявляли по очереди, а не одновременно.

— Что-то ты задержался, Роман, — заметил Ульян Игоревич.

Я даже не сразу нашелся, что ему ответить. Хорошо, что Завадский тему не стал развивать, да и остальные сидящие у костра люди были погружены в разговор и лишь поприветствовали меня кивками. Я передал прихваченную гитару Ивану, а тот взамен дал мне кружку со сбитнем. Для посиделок кто-то захватил целый заварник, из которого потихоньку и наливали себе люди этот напиток.

Наш гитарист спросил моего разрешения сыграть вчерашнюю песню-байку. Она, оказывается, многим запомнилась, даже учить слова особо не пришлось. Естественно получил мое согласие, и над землей разнесся бой гитарных струн.

К моменту, как он допел песню, подошли Аня с Настей.

— Дамы, — тут же учтиво встали сидящие офицеры.

Мужики последовали их примеру, после чего девушки уселись рядом со мной.

— Что за песня? — первой поинтересовалась Анна.

— Роман Сергеевич вчера придумал, — «сдал» меня Ульян Игоревич.

— А я еще одну его песню знаю, — заявила Настя и потянулась за гитарой.

Иван с охотой передал инструмент, а остальные с интересом посмотрели на меня, гадая — что такого я придумал, что хочет исполнить моя невеста?

Через минуту в вечерней тишине разнесся звонкий женский голос, исполняя песню «Половинка».

— У ночного огня

Под огромной луной...* — запела Анастасия.

* — Танцы Минус «Половинка»

И даже строки «я тебя целовал» в женском исполнении никого не смутили. Зато сама песня очень понравилась присутствующим.

— Эта песня про расставание, — заметил старик Завадский, когда Настя закончила петь. — Неужели Роман, вы кого-то любили столь сильно и потом расстались, что посвятили этой безымянной девушке песню?

— Это он посвятил мне, — нахмурилась Настя. — Мы, знаете ли, не в одном городе живем. Каждая разлука — как маленькое расставание.

— Прошу прощения, — тут же повинулся Ульян Игоревич.

Вообще мне такие посиделки начинали нравиться. Пусть и прохладно, все же осень, но костер греет, воздух чистый, хорошая и интересная компания рядом... И почему я раньше не любил на природу выезжать с друзьями? На тот же пикник с ночевкой.

После Насти и другие люди решили показать свое умение игры на гитаре. Иван не удержался и спел пару частушек, но не сильно пошлых. Скорее веселых и шуточных. Всем зашло, после чего Афанасий — второй наш гитарист — спел цыганский романс. А после него и офицеры потребовали гитару. Расходились мы уже за полночь.

Утром мы встали рано. Я проснулся от настойчивого стука в дверь. Продрав глаза, посмотрел на двух прелестниц, что заключили меня в объятия, и сейчас тоже недовольно терли свои мордашки. Выбравшись из объятий девушек, я натянул штаны и пошел открывать. За дверью стоял Тихон.

— Господин, вы говорили вчера, что хотите свою разминку перед отправлением сделать, — виновато и испуганно сказал он.

— Да, все верно. Спасибо, что разбудил.

От моих слов парень воспрял. Боялся, что могу наказать, а тут — похвалили. И опасаясь, что мое настроение может перемениться, тут же убежал. Я же принялся за свои занятия.

— И не лень тебе себя истязать, — с зевком протянула Настя, косясь на меня взглядом.

— Если бы не истязал, вчера бы вы меня заездили, — подначил я ее.

Девушка тут же покраснела от смущения и мигом скрылась в комнате. Размявшись, я пошел на улицу — искать ведро с водой, чтобы ополоснуться для закаливания. Там же я застал Николая Карловича.

Адмирал умывался. И пусть обливаниями он себя не утруждал, но вот свежевывапавшим снежком лицо охотно тер. А когда увидел, как я разделся по пояс и на себя ведро холодной воды вылил, уважительно покачал головой.

— Силен, — добавил он. — Давно это практикуешь?

— Уже почитай, как месяца три.

Уходя я понял, что заработал в глазах Краббе пару очков репутации себе.

Позавтракали мы тут же — в доходном доме. После чего отправились дальше в путь. Тут-то я и вспомнил о бумагах госпожи Совиной. Ведь до сих пор с ними не ознакомился! И пока девушки меня не начали терзать вопросами или еще каким разговором, я углубился в изучение бумаг.

Дубовка. Усадьба Зубовых

С самого утра слуги готовились принять гостей, для чего мыли не только пол, как обычно, но и стирали пыль с самых дальних уголков. Кухарка старалась приготовить блюда на вкус именинника, а ей в помощь Софья Александровна взяла повариху из ресторана Повелецкой. С Валерией Павловной у женщины распрей не было, и договориться об «аренде» одной из ее работниц проблем не составило. Гости ожидались ближе к обеду.

Сам Владимир Михайлович, чей праздник должен был отмечаться, чувствовал себя с утра неважно. То ли простуду подхватил, то ли настроение из-за отъезда сына ухудшилось. А может общение отношение к собственному празднику, который он не особо жаловал, сказалось. Но из своего кабинета он носа не показывал, и на службу тем более не отправился. Что немало тревожило Софью.

— Владимир Михайлович, — постучавшись в кабинет, позвала она мужа, — с тобой все хорошо?

— Да! — донеслось до женщины.

— Может, хоть проверишь приготовления...

— На тебя полагаюсь!

Поджав губы, она все же не выдержала и открыла дверь, зайдя внутрь. Зубов сидел за столом, мрачно читая газету.

— Что случилось? Чего ты смурной такой?

Тот ответил не сразу. Сначала дочитал рубрику, и лишь затем отложил издание и посмотрел на жену.

— Пишут, что Шамиль сдался в плен, — буркнул наконец мужчина.

— Это предводитель кавказских горцев? — уточнила Софья Александровна, которая особо за военными действиями не следила, но знала, что где-то на Кавказе идет бунт местных жителей, возжелавших своей независимости.

— Он самый.

— Так это же здорово! Чего ты недоволен-то?

— А то, что его как героя в столице принимают! — рыкнул Зубов. — «Почетный пленник», — передразнил он цитату из издания. — «Посетил театры и осмотрел город». Его портреты даже в магазинах продавали, представляешь?! И о том пишут, как о чем-то значимом! О враге! Сепаратисте! А его — с почестями принимают!

Офицер был возмущен и совсем не обращал внимания, что скоро придут гости в честь его праздника. Для него подобное отношение к изменнику и бунтовщику, которым он считал Шамиля, было немыслимо.

— Ну право слово, чего о нем думать-то? — постаралась перевести внимание мужа Софья. — Взяли в плен — и бог с ним! Сколько таких «Шамилей» было в истории России? Разве их помнят? Пообсуждают и уже через год забудут! Лучше пойдем, попробуешь начинку торта. И уже через час гости начнут прибывать. Неужто в таком смурном настроении их встретишь? Они-то в чем виноваты перед тобой?

Нехотя Владимир Михайлович покинул свой кабинет. Софья безусловно права — сепаратистов в истории империи всегда хватало. Но мало кто мог похвастаться успехом своего предприятия. Удручало его иное — что к таким «фрондерам» особое внимание уделяется в Петербурге. Лучше бы за состоянием армии следили. Тогда, глядишь, и не было бы того обидного поражения в Крымской войне. Но все это было глухое раздражение честного офицера, далекого от политики. Да и от престола. Ну что он может сделать, сидя здесь, в Дубовке? Даже племянник его жены — и то дальше продвинулся. Уже лично с заместителем морского министра знаком и в столицу едет по его приглашению. Как бы после драки Романа с Антоном Владимир Михайлович к Винокурову не относился, но не признать его удачливости и успеха в заведении полезных связей он не мог. И от того было особенно обидно за собственного сына, который честно, как и он сам, тянул лямку флотского офицера. И вряд ли без помощи со стороны сможет выбиться хотя бы в капитаны, не говоря о чем-то большем.

«А может, не стоит на Романа дальше обижаться? — пришла Зубову мысль. — А попытаться вернуть былые отношения? Ну право слово — хоть он и перегнул палку, но в молодости кто из нас не был горяч?»

Покивав своим мыслям, Владимир Михайлович решил, что постарается простить племяннику его непристойное поведение. А там, глядишь, и Антону он поможет в чины повыше выйти. За ним так-то должок. Мужчина ведь ему немало помог в его первых начинаниях. Если он сам того не ведает, то стоит через Софью намекнуть, что понадобится все возвращать. И если затянет — с процентами!

Глава 3

10 ноября 1859 года

Карета Романа

— Что за бумаги? — полюбопытствовала Настя, когда я раскрыл полученную от Екатерины Савельевны папку.

— Информация о людях Петербурга, — не стал я ничего скрывать.

Сестры тут же возжелали тоже ознакомиться с полученными сведениями, и мне пришлось читать вслух. На самом верху лежало письмо Совиной для меня.

— *Роман Сергеевич, — так начиналось послание, — прежде чем вы изучите мои сведения, хочу добавить несколько слов от себя. Первое, о чем хочу вас предупредить — нравы в столице сильно отличаются от нашей провинции. Они более свободные и не удивляйтесь, если вам какая дама предложит содержание, — на этих словах лица девушек вытянулись от удивления и возмущения. — Вы очень красивый молодой человек. Умный, образованный, с выраженной харизмой. Потому я уверена — такое предложение вам непременно поступит и не одно. Когда я жила в Петербурге, это было в порядке вещей — когда замужняя уважаемая дама становилась «доброй феей» для какого-нибудь молодого поэта, художника или понравившегося ей провинциала. Как видите — вы подходите по всем статьям.*

— И думать не смей! — перебила мое чтение Настя, ткнув меня локтем в бок.

— И не собираюсь, успокойся. Ты так реагируешь, будто я уже пошел искать себе эту «добрую фею», — рассмеялся я.

От чего получил новый недовольный тычок в бок от невесты. Аня тоже недовольно поджала губы, но хотя бы не дралась.

— *Вы возможно сейчас возмущены этими строками, — продолжилось письмо, — и я знаю, что вы безукоризненно верны своей невесте. Потому советую вам за время пути продумать свое поведение — как донести до столичного света свою жизненную позицию. Будьте осторожны, мы, женичины, не любим быть отвергнутыми. То же самое касается и ваших дам. Не сомневайтесь, в столице к ним будет повышенное внимание, и найдутся кавалеры, которых не остановит кольцо на пальце Анастасии, а как бы не наоборот. С Анной вам придется еще сложнее, если она не найдет себе покровителя. Или проще, если найдет. И даже ваши совместные выходы в свет не станут надежным барьером для кавалеров, желающих познакомиться поближе с вашими дамами. Единственный совет, какой могу вам дать с позиции своего жизненного опыта — заручитесь поддержкой кого-нибудь из влиятельных людей Петербурга. Николай Карлович, с которым вы отправитесь, на первых порах подойдет. Только вам будет необходимо выйти с ним в свет, где он покажет всем свое благорасположение и покровительство к вам.*

— Может, зря мы поехали, — вдруг поежилась Настя. — Папа ведь не хотел, чтобы мы в столицу отправлялись учиться. Я думала — из-за денег, а тут... он, получается, о нашей чести тревожился?

— Силой нас не заставят, а хитростью... — протянула Анна, покосившись на меня. — Если сами дурами не будем, то Роман нас прикроет.

И вот — снова непоколебимая вера в мои способности. Которая лишь усилилась после похода к гадалке. Аж самому жутко от такой их веры в меня.

После такого вступления Екатерина Савельевна стала описывать самые знаменитые места столицы, куда можно «выйти в свет». И это оказались отнюдь не театры, а салоны богатых и влиятельных людей. По приписке той же Совиной попасть в них с улицы было невозможно — лишь по предварительному приглашению.

— *Самым статусным салоном являлся, и действует как мне известно до сих пор — салон Великой княгини Елены Павловны. Если тебе удастся попасть туда — то знай, это не просто место, где отдыхает высшая знать столицы. Это — ее сердце. По слухам, именно в салоне Елены Павловны принимаются многие важные политические решения, которые после оформляют в виде законов. В ее салон заглядывает сам Император, а ее морганатические* вечера известны на весь Петербург.*

* — морганатическим обычно называют брак двух супругов неравного статуса. В данном контексте имеется в виду, что на приеме могли встретиться люди, которые в иных местах никак не могли пересечься из-за большой разницы в статусе

Хорошо, что благодаря общению с тетей и истории ее дочери, я знал значение слова «морганатический», иначе бы сейчас пришлось у сестер спрашивать, показывая свою необразованность.

— *Эти встречи проходят в Михайловском дворце. Предупреждаю заранее, с Еленой Павловной живет ее единственная не ушедшая в мир иной дочь вместе со своим мужем — герцогом Мекленбург-Стрелицким и по слухам, между Великой княгиней и герцогом взаимная неприязнь. Но оставшуюся дочь она беззаветно любит и потому терпит герцога. Сама Екатерина Михайловна, по тем же слухам, является одной из немногих верных своему мужу жен.*

Дальше Совина довольно подробно описала, кто и когда был замечен в этом салоне, какое влияние имел при дворе еще прошлого императора, и кто по ее мнению до сих пор является гостем салона сейчас. Я кстати удивился, когда среди фамилий частых гостей этого салона увидел Пушкина. Да и не только его имя было в списке гостей этой дамы. Фактически — четверть нынешнего состава правительства, не считая известных писателей, поэтов и ученых. После прочтения списка я в полной мере осознал, почему Екатерина Савельевна поставила его на первое место, куда мне стоит искать возможность пробиться. К тому же благодаря «морганатическому» характеру этих приемов, сама возможность у меня есть хотя бы в теории. И если попаду туда, то смогу вести себя не скованно, и не бояться, что нарушу какой-то этикет по незнанию.

После салона великой княгини шли еще два подобных места. Пусть «калибром» слегка и ниже из-за отсутствия в этих местах императора, но все равно — туда рвался весь «цвет» столичной знати. Это салон госпожи Карамзиной и салон братьев Одоевских. Список имен, кто там присутствовал раньше из известных Совиной, прилагался.

Еще ниже шло упоминание салонов более «низкого пошиба», хоть и тоже весьма популярных и человеку с улицы туда опять же вход воспрещен. Тут фигурировали такие фамилии, как Виельгорские, Голицына, Оленин и Карамзина-младшая. Все эти салоны объединяло одно — туда собирались кружки по интересам. Где-то обсуждали чисто литературу и искусство, где-то это был просто кружок знакомых, а где-то и политики не чурались, хоть и в меньшей степени, чем у Елены Павловны, и уж в таких салонах глобальных политических решений не принималось — только треп «на тему».

Театры Екатерина Савельевна упомянула, как места, где можно познакомиться с кем-нибудь, чтобы получить приглашение в такой салон, но и только. А вообще, спектакли ставили многие дворяне Петербурга, заведя собственные малые театральные труппы, и даже императорская чета не чуралась этого искусства. Екатерина Савельевна написала, что с ней делились откровениями о «детских» спектаклях в императорском дворце, в которых принимали участие дети государя в качестве актеров. Вполне допускаю, что это правда. Театральное искусство ведь и навыки риторики вырабатывает, и «ставит» голос, умение держаться на публике — все то, что нужно публичному человеку, управляющему массами.

Имен было много, так еще на каждого человека Екатерина Савельевна дала краткую характеристику, так что у меня даже в голосе пересохло — все это вслух зачитывать. Время за разбором бумаг Совиной пролетело незаметно, и очнулись мы лишь от стука Тихона в форточку.

— Остановка, ваши благородия, — предупредил парень.

Из кареты мы выбрались с удовольствием. Я тут же приказал Тихону ставить походный туалет.

— Только проверь, что он не упадет от ветра или еще как, пока там дамы оправляться будут, — напутствовал я его.

Тот понятиливо кивнул и умчался выполнять приказ. Палатку он поставил на поле в двадцати метрах от дороги. Идти туда по грязи было не очень удобно, но повезло, что температура на улице уже минусовая и земля хоть немного подмерзла. Аня с Настей с любопытством смотрели на эти походные удобства. И они были не одни, кого заинтересовала новинка. Но тут Тихон вернулся и доложил, что все готово.

— Я по бокам колышки в ткань вбил — для прочности, — поделился он своей находчивостью.

Первой опробовать мое изобретение вызвалась Аня. Когда она вернулась, то была весьма довольной.

— Только холодно, надо бы ткань какую на горшок положить, — поделилась она впечатлениями.

— Учту, — кивнул я, вспомнив про откидные стульчаки на унитаз и тканевые чехлы на них.

Сходить оправиться в палатку после дам вызвались почти все офицеры. Только слуги сделали свои дела «привычным» путем — в кустах.

— Я слышал, — подошел ко мне Николай Карлович, — что ты чашу клозетную запатентовал. На это свое изобретение тоже привилегию оформлять будешь?

— Если никто ничего подобного не придумал, то да, — кивнул я. А почему бы и нет? — Только до ума надо довести. Чтобы собиралась быстрее, более компактной была эта палатка, да прочной.

— Дело, дело, — покивал адмирал.

У меня же мысли свернули в иную сторону. Насколько здесь развита индустрия лесных походов? Точнее — переносных приспособлений для комфортного пикника или вот для подобных поездок? Казалось бы, сейчас большинство людей путешествует своим ходом, часто с минимальными удобствами, и вот такая палатка должна была быть придумана давно, но... этого нет. С чем связано — не понимаю. Вижу лишь одну причину — инерция мышления. Отцы и деды нужду справляли в кусты, так и нам тоже делать надобно. А в будущем привыкшего к городскому комфорту жителя еще попробуй замани в лес. Вот фирмы и стали крутиться — придумывая разные приспособы, чтобы горожанин этот комфорт мог с собой в поход «взять». Попутно конечно зарабатывая на этом. Даже начали натуральные дома на колесах делать. Кста-ати... А что если и мне поразмыслить о таком? В рамках дилижанса придумать некий «дом на колесах», в которых состоятельные дворяне и купцы могли бы передвигаться между городами? Железные дороги еще не скоро свяжут своей сетью всю страну, так что определенный успех в этом начинании можно получить.

Остановка не продлилась долго. Чуть больше получаса стояли, а потом — снова в путь.

Дубовка. Завод Миллера

— Алексей Юрьевич, — заглянул в кабинет инженера рабочий, — там на проходной вас просят.

— Кто?

— Пантелей. С письмом.

Дубов кивнул, принимая ответ, и встал из-за стола. Пантелея он знал — этот мужик в последнее время был основным «связным» между ним и молодым Лисовым. Парень по мнению инженера был одарен. Ему бы образование подходящее дать, и готовый инженер получился бы. Увы, но отец молодого Николая был категорически против. Сам Алексей Юрьевич юношу жалел и надеялся, что как только тот подрастет, то сможет хоть частично выйти из-под плотной родительской опеки. Вот и вкладывался в него. Даже больше не из циничного расчета, а как некая форма благотворительности.

Сходив до проходной и забрав письмо, Дубов вернулся в кабинет. В плане передачи писем от своего барина Пантелей был чрезвычайно обязателен и никому бы постороннему конверт не отдал. Сказано — инженеру Дубову лично в руки, так иначе и не поступит. Вот и приходилось Алексею Юрьевичу ходить самому.

Положив конверт на край стола, мужчина вернулся к заполнению бумаг. С посланием от Лисова он и позже ознакомится, все равно Пантелей раньше завтра обратно в земли своего господина не поедет. Утречком как раз за ответом и придет, потому и смысла спешить нет.

К письму молодого Лисова Алексей Юрьевич вернулся в столовой, отправившись обедать. Неторопливо поев, мужчина отставил пустую тарелку и подтянул к себе кружку с чаем. И отпив глоток, развернул письмо.

С первых же строк Алексей Юрьевич понял, что нынешнее послание Николая отличается от предыдущих. Раньше-то он просил или объяснить принцип работы нового изобретения, о котором вычитал в журнале, полученном опять же от Дубова, или просил дать ему задание технического характера — для тренировки ума. А тут Николай Игоревич ни много ни мало предлагал обсчитать конструкцию нового типа движителя! Даже рисунки прилагал, и честно признавался, что идея не его, а Романа Винокурова.

Винокурова Дубов прекрасно помнил. Роман к инженерному делу способностей не имел абсолютно, но уж чего у юноши было не отнять — это живого ума и способности увидеть потенциал и возможность там, где другие лишь плечами пожмут. Потому к рисунку отнесся со всем вниманием. Как Винокуров познакомился с Лисовым, сейчас Алексея Юрьевича не волновало. Да и чего удивляться? Оба — сыновья помещиков, а в этой среде тем более в их глуши все про всех знают. Зато сам принцип приведения поршня в движение не разогретым паром, а образующимися от сгорания горючего вещества газами заставил инженера отставить в сторону кружку с чаем и напрячь голову. По всему выходило, что сгорание должно производиться в закрытой камере, иначе газы просто улетучатся. И это было первой проблемой — как поджигать газ в закрытом пространстве? Второй сложностью была регуляция вывода отработанного газа, чтобы не допустить взрыва котла. Или камеры, где будет проходить горение. Ну и третий момент, на который обратил внимание инженер — большую машину с таким движителем не построишь. Слишком сильное горение может или расплавить стенки котла, или не создать высокого давления газов. Только маленькая камера. А значит, и мощность у такого движителя будет не высока.

— С другой стороны, — задумчиво пробормотал Алексей Юрьевич, — и такому двигателю найдется работа. Сколько у нас есть узких мест, где и желательно бы применить паровик, да только не получается — громоздкий он, либо избыточную мощность имеет... Хмм... тут есть над чем подумать, — кивнул своим мыслям Дубов.

И порадовался, что не зря ведет переписку с Лисовым! Если удастся и впрямь подобный движитель собрать, то это будет настоящий прорыв! Можно даже будет вписать свое имя в историю отечественного машиностроения!

Дубовка. Усадьба Зубовых

Гости на день рождения Владимира Михайловича стали прибывать к обеду. Первыми пришли сослуживцы Зубова. Им и ближе было добраться, и в целом это одни из немногих людей, кого бы сам мужчина хотел видеть на своем празднике. Потому и позвал их пораньше.

За стол пока было рано, и потому офицеры расположились в гостевом зале, обсуждая новости. Владимир Михайлович не удержался и поделился своим возмущением о том приеме, который оказала столица кавказскому бунтовщику.

— Что вы хотите — политика, — с умным видом ответил Поликарп Федотович Аристов — начальник порта города. — Очевидно, только так можно было замирить этот регион — показав, что к ним мы относимся на равных.

— Показали свою слабость! — фыркнул Зубов.

— Но ведь на Кавказе после пленения Шамиля стало спокойнее, — возразил господин Аристов.

— Только потому, что мы лишили их лидера. Найдется новый — и тут же опять все на прежние круги вернется.

Их разговор прервало появление Дарьи Воробьевой. поприветствовав новую гостью, Владимир Михайлович оставил ее разговаривать с супругой, вернувшись к офицерам.

— Неожиданно видеть у вас Дарью Мстиславовну, — заметил Сергей Сергеевич — заведующий артиллерийскими погребами в порту.

— Бедняжка недавно овдовела, как вы знаете, вот Софья и решила ее поддержать, — выдал Зубов заранее заготовленное объяснение.

О предбрачном контракте они с Воробьевой договорились пока молчать. Его оглашение не пойдет на пользу ни репутации девушки, ни самим Зубовым. А потом, как Дарья с Антоном обвенчаются, и вовсе можно будет положить эту бумагу под сукно и забыть о ней — за ненадобностью.

Как и ожидалось, подобная поддержка молодой вдовы встретила полное понимание и одобрение среди офицеров. Почти все высказали комплименты щедрой и доброй душе хозяйки дома и самому Владимиру Михайловичу.

Через два часа после начала прибытия гостей подъехали и Винокуровы в полном составе, если не считать отсутствующего Романа. С их приездом гостей позвали за стол. Пошли здравницы в честь именинника, стали дарить подарки. Постепенно настроение Зубова пошло в гору и от былой хандры не осталось и следа.

После плотного застолья все присутствующие снова вернулись в зал, где гости разбились на группы по интересам. В какой-то момент так получилось, что в кругу Владимира Михайловича зашла речь о свадьбах. Сергей Александрович поделился вестью, что его сосед, Уваров, нашел партию для своей младшенькой.

— За своего нового соседа ее выдает — Большедубова, — размеренно рассказывал помещик.

— Леонид Валерьевич справный хозяин, — одобрительно покивали присутствующие. — Сможет хорошее приданое дать.

— Так ведь землями прирос, — согласно кивал Винокуров.

— А у него ведь еще и племянницы есть на попечении? — заметил Поликарп Федотович и с прищуром посмотрел на Зубова. — Не желаете породниться с таким славным родом? Ваш Антон ведь не окольцован пока?

— Мой сын сам выберет себе невесту, — попытался уйти с опасной темы Владимир Михайлович. — Как и я когда-то это сделал.

— Не хочу сыпать соль вам на рану, — осторожно возразил Сергей Сергеевич, — но то же вы говорили о своей дочери. И к чему это привело?

— Антон — ответственный человек и офицер, — вскинул голову Зубов. — Он так не подставит род!

— А еще любит засматриваться на дам, — хмыкнул Аристов. — И все же я согласен с Сергеем Сергеевичем — в деле женитьбы эмоциям не место. Лишь строгий и беспристрастный родительский пригляд поможет подобрать пару на долгие лета. Пусть не племянницы господина Уварова, но в нашем уезде хватает девиц на выданье.

Владимир Михайлович собирался продолжать гнуть свою линию — мол, не будет он за сына этот вопрос решать, как неожиданно в разговор вмешалась Дарья. Девушка незаметно подошла к мужчинам, и весь разговор слышала «от и до». Уж по какой надобности она здесь оказалась — бог весть. Но тут она не смогла сдержаться и промолчать — а вдруг ее будущего свекра все же уговорят? Или так разговор пойдет, что у него и выбора-то не останется, как женить Антона на ком-то из предложенных кандидатур? И она нарушила этикет, вмешавшись в мужской разговор без разрешения:

— Антон уже сделал выбор. Право слово, мы не хотели это выносить до поры до времени, но... — и она выразительно замолчала.

Ее слова прозвучали как гром среди ясного неба. Мало того, что Дарья нарушила правила приличия, так ведь и ее слова нельзя было трактовать иначе, как признание в связи с младшим Зубовым! И что тогда получается? Недавно овдовевшая дворянка, еще даже траур не отходившая, как положено, вдруг бросается заявлением, что нашла себе нового жениха? Все взгляды тут же переместились на Владимира Михайловича. Если он подтвердит слова Дарьи, то... То

станет понятно, что слова о «поддержке молодой вдовы» не более чем уловка. И репутация Зубова от этого признания серьезно пострадает. Владимир Михайлович понимал это как никто другой и мысленно клял Воробьеву последними словами.

— Мне о том ничего неизвестно, но раз Дарья Мстиславовна так уверена в своих словах... — не договорив фразу, мужчина повернулся к девушке и метнул на нее недовольный взгляд.

Та и сама сообразила, какую глупость совершила.

— Право слово, это было столь внезапно, — залепетала она, — мы повстречались в ресторане госпожи Повелецкой... я была в трауре и никого не хотела видеть, но Антон... Владимирович, — поспешно добавила она, — он... он сумел меня утешить. А потом мы много болтали, и между нами проскочила искра. Мы не хотели никому о том говорить, ведь приличия, сами понимаете, господа... Но мы дали взаимную клятву — что как только он вернется в следующий раз в Дубовку, мы тут же повенчаемся!

— Неожиданно, — спустя минуту тишины, протянул Поликарп Федотович.

— Прошу вас, господа, не раскрывайте нашу тайну, — вздохнула с болью в голосе Дарья. — Зачем эти шепотки завистниц за спиной? Я и сама жалею, что не удержалась.

— Нет, мы понимаем ваш порыв, — с усмешкой кивнул Сергей Сергеевич. — Даю слово, что от меня ваш секрет никто не узнает.

Спустя мгновение остальные офицеры вместе с Сергеем Александровичем, подтвердили, что будут держать связь Дарьи с Антоном в тайне. Но отношение к ней поменялось. Сочувствующие взгляды сменились на насмешливые и любопытные. Все мужчины были не только в возрасте, но уже и лишены романтики, и в поступке девушки увидели циничный расчет. Когда она отошла, они повернулись к Владимиру Михайловичу.

— Вот потому я и говорил о необходимости самим решать женитьбу детей, — заявил Аристов. — А теперь... могу пожелать тебе, Владимир, лишь удачи. Дай бог, чтобы эта Дарья все же оказалась хорошей женой, которой просто не повезло с первым мужем.

Примерно в том же духе высказались и остальные и, желая замять неприятную тему, вновь вернулись к обсуждению политики и реформ на флоте. Но у самого Зубова возникла мысль — а действительно ли девушка случайно нарушила этикет и разболтала новость о будущей помолвке на эмоциях? Или это был тонкий расчет?

Бросив украдкой взгляд на мило щебетавшую Воробьеву с его женой, мужчина еле удержался от желания сплюнуть на пол. Вот ведь... интриганка!

Глава 4

10 — 11 ноября 1859 года

Путь от Калача-на-Дону до Воронежа

На обед мы остановились в деревне Вишенка. Продукты у нас были припасены с собой, но готовкой озадачили местных крестьян. Не бесплатно, разумеется. Сама деревенька была маленькой, даже без церкви. Тут-то я и узнал, что это самая «настоящая» деревня, потому что будь здесь церковь, то ее надо было бы величать селом. Получается, наше «Винокурово» — это село, а не деревня. Век живи — век учись, как говорится.

Остановка продлилась почти два часа. Это время было потрачено крестьянами на готовку пищи, а потом нам еще и столы поставили на всех на подворье старосты — у него самое большое было, и мы там все уместились. Опять же, если не считать возниц и слуг. Но я потихоньку начинаю привыкать, что их отдельно учитывать надо.

Пока крестьяне готовили нам обед, а кучера обиходили лошадей, офицеры и иные пассажиры каравана прогуливались и общались между собой. Ничего особо интересного в том не было — сплошная скукота. И даже не поработаешь — нет какого-то стола, за которым можно разместиться, и на улице прохладно, от чего те же чернила замерзают.

Поэтому к концу вынужденной остановки, когда все пообедали, начало движения было воспринято с оптимизмом. А я с девушками вернулся к бумагам Совиной.

— Даже не хочется их читать, — поморщилась Настя.

— С чего вдруг? — удивился я.

— А если снова какое откровение узнаем? Вот те же «добрые феи», — передразнила она слова Екатерины Савельевны из письма. — Которые так и мечтают, как получить к себе в постель молодого юношу. Я и подумать не могла, что есть такие дамы!

— Ага, — хмыкнул я, — только девушек могут взрослые, умудренные сединами мужчины желать. Конечно-конечно...

— Да ну тебя, — ткнула она меня локтем в бок.

— Надо с Николаем Карловичем поговорить, — прервала нашу шутиливую перепалку Анна. — Он давно в столице живет, должен знать местные нравы. Или подтвердит, или опровергнет. Нечего лишь на слова госпожи Совиной опираться.

Тут с ней поспорить было сложно, и спор наш увял. Дальнейший разбор бумаг Екатерины Савельевны прошел в молчании. Ничего особо нового в них больше не было. Только уточнение, кто с кем «спит», кто враждует, кто какой чин имеет. И все это с пометкой — актуально для десятилетней давности. Так что, как и говорила Екатерина Савельевна, половина данной информации может быть уже и устаревшей.

Отложив бумаги, мы принялись смотреть в окно. Признаться, путешествие было скучным. И чем себя занять, я не знал. Вроде все дела завершены, рядом две красивые девушки, а заняться в пути совершенно нечем. В итоге пришлось придумывать игры на ходу. Так я сначала предложил сыграть в «камень-ножницы-бумага», что зашло сестрам на «ура». Затем хотел предложить поиграть в «города», но сразу отказался от этой идеи. Уж очень велик шанс, что я выставлю себя дураком — просто потому, что города из будущего сейчас неизвестны, а нынешние я не все знаю. Тогда просто мы сыграли в «слова». Почти то же самое, что и «города», только можно любое слово называть. Но и это нам вскоре наскучило. И тогда Аня вновь вспомнила, что я им песню-то для выступления написал, а вот музыкальный ритм ее исполнения не уточнил.

— Мне опять «мычать»? — удивился я.

— Можешь просто напеть ноты, — смиловались надо мной.

И оставшееся время пути мои дамы учили песню «Я с тобой» группы «Loupa» под мои попытки исполнить музыкальное сопровождение. Как жаль, что места в карете мало и на той же гитаре не сыграешь!

Царицын. Бордель госпожи Совиной

Арина дрожала всем телом. Отец выполнил свое обещание и поговорил с Екатериной Савельевной. И вот сегодня девушка наконец получит то, чего давно ждала — тайную связь с незнакомцем. На лице у Михайловой была надета маска. Комната, куда привела ее сутенерша, была погружена в полумрак. Лишь на тумбочке стояли свечи, создавая тени на стенах и будоража воображение Арины. Сама она была одета в тонкое платье без нижнего белья. Белое из двух «прямоугольников», соединенных по бокам тонкими полосками. Кто к ней придет — Арина не знала. И это вызывало еще больше волнения и страха. Единственное — Екатерина Савельевна пообещала, что кавалер не будет срывать с Арины маску и все останется в тайне. Но вот дверь открылась, и на пороге появился мужчина. Тоже в маске, не позволявшей Арине узнать, кто это такой. Однако по седым волосам она поняла, что мужчине далеко за сорок лет. Еще и брюшко имелось. Мечтания девушки о красивом парне тут же разбились о суровую реальность.

— Ну иди ко мне, прелестница, — противным голосом сказал старикашка, как мысленно его обозвала Арина.

Все ее возбуждение как рукой сняло. Неужели она отдастся в руки этому... этому... У девушки и слов-то приличных не нашлось, чтобы охарактеризовать ее невольного партнера! А мужчина не унимался. Сняв с себя портки, он оголил свой уд. Далекий от того, какой себе представляла Арина.

«Еще и маленький», — мысленно поморщилась девушка.

— Иди сюда! Покажи, как ты меня хочешь! — вскинув подбородок, потребовал этот «кавалер».

Но Арина уже ничего не хотела. Лишь поскорее убраться подальше. Вспомнился ее муж — Николай. Никогда у Арины не было отвращения от близости с ним. А вот сейчас она на себе почувствовала, каково это — когда тошнит от одного вида голого мужчины.

«В книгах о таком не писали», — со страхом и брезгливостью подумала девушка.

— Иди сюда! Живо! — потеряв терпение из-за неуверенности девушки, приказал старик.

— Н. н-не х-хочу-у-у... — протянула Арина, забившись подальше в угол на кровати.

— Да что ты себе позволяешь, девка?! — вскрикнул старик писклявым голосом.

Арина даже не поняла, кому он может принадлежать из дворян города.

— А ну, живо подползла на коленях и взяла его в рот! — требовательно заявил старик, указав на свой уд.

Больше терпеть эти издевательства Арина не смогла. Вскочив с кровати, она побежала мимо старика к двери. Тот попытался ее остановить, но девушка лишь отмахнулась, от чего тот улетел на пол. Выскочив за дверь, Арина побежала дальше — к Екатерине Савельевне.

«Ну их, эти романтические встречи, — заполошно думала она, — уж лучше потерплю и найду себе красавца-мужа. Или к Николаю вернусь».

Совина обнаружилась на первом этаже в холле — разговаривала с каким-то господином. Она с удивлением посмотрела на прибежавшую и запыхавшуюся Арину. Быстро все поняв по ее взгляду, женщина мотнула головой на дверь за своей спиной.

— Подожди, — бросила она.

Арина не стала спорить, скрывшись в комнате, являвшейся личной комнатой отдыха сутенерши. Екатерина Савельевна пришла спустя пять минут. Посмотрела на Арину тяжелым взглядом и протяжно выдохнула.

— Ты понимаешь, что подставила меня? Что мне теперь говорить посетителю, от которого сбежала билетная?

— Н-но я не билетная! — вскинулась, заикаясь, Арина.

— А он о том знает? — хмыкнула насмешливо Совина. — Ты ведь сама просила сохранить твоё инкогнито.

Арина подавленно молчала, не зная, куда девать взгляд. Тишина в комнате казалось давила ей на плечи, угнетая ещё сильнее.

— Иди домой, — наконец заговорила Совина. — Проблему с тем гостем я уж как-нибудь решу. Но больше не пытайся строить из себя куртизанку! — жестко завершила она свою речь.

Арина лишь понуро кивнула и стала переодеваться. Её вещи по приказу Екатерины Савельевны принесли через несколько минут. Домой Арина вернулась в крайне подавленном состоянии.

«Неужто папенька прав? — крутились её мысли. — И все это мечты и баловство? Но как же мне быть?»

Мама встретила Арину встревоженным взглядом. Все что она знала — что дочь ожидает романтическое приключение. И сейчас она пыталась вызнать, что случилось, и будут ли последствия для Арины. Но девушка отмалчивалась, от чего её мать махнула на неё рукой и пошла третировать вопросами мужа.

Упав на кровать, Арина залилась слезами от беспомощности и беспросветности её ситуации. Неужто ей так и придется остаться заложницей своей плоти и фантазий?

Отец пришел спустя четверть часа. Молча сел рядом и лишь, когда Арина сама успокоилась, спросил:

— Довольна?

— Нет, папа.

— Так чего тебе надобно-то?

— Мечты, — тускло ответила девушка.

— Так создай ее сама, — вдруг заявил мужчина, от чего Арина растерялась.

— Н-но... как?

— Верни расположение своего мужа, — спокойно сказал Борис Романович. — Извинись перед ним. Объясни, что все прошлое — это детство в тебе играло. Пообещай ему родить наследника. Я тоже с ним поговорю. Уверен, он и сам уже не рад вашему расставанию. Только знай, что раз пообещаешь — нужно держать слово! Ты не чернь какая-то, а дворянка! — жестко закончил отец.

Арина растерялась, а затем снова расплакалась. В слезах из нее выходило все горе последних дней. Обида на мужа, страх перед неизвестным, злость на Романа Винокурова, отвергнувшего ее... Когда она успокоилась, то посмотрела на отца твердым взглядом.

— Обещаю, папенька, я буду самой верной женой! Только помогите мне вернуть Николая.

Михайлов довольно улыбнулся и кивнул. А сам мысленно поблагодарил Екатерину Савельевну, с которой договорился подсунуть дочери такого «кавалера», который точно отобьет у нее всю тягу к романтическим вечерам с иными мужчинами, кроме собственного мужа. Но даже вариант просто отбить у дочери тягу к непостоянным связям его бы устроил, что и произошло.

Поместье Уваровых

Кристина сжимала зубами подушку от бессилья и злобы. Ну почему не она сейчас едет в Петербург, а какие-то Скородубовы? Чем она хуже? И ведь все могло быть иначе, если бы она согласилась сразу и безоговорочно стать невестой Романа! После того, как папа вернулся от Винокуровых и рассказал о поездке Романа в столицу, Кристина места себе не находила. Ну

как так могло получиться? Ведь Роман не собирался в столицу! Он сам о том говорил, когда только обсуждалась их помолвка. А тут...

Все объяснила ее няня.

— Мужчины не любят, когда жена берет на себя такие серьезные решения, — говорила Кристине Стефания. — Жена — это шея, но никак не голова.

— Что это значит? — беспомощно тогда спросила Кристина.

— То, что мужчин нужно направлять мягче, — покровительственным тоном заявила женщина. — Представь, что ты хочешь повернуть голову в одну сторону, а шея тебе не дает. Как ты к ней отнесешься? Вызовет ли это твое раздражение?

Девушка тогда потупилась, признавая свою неправоту. Ведь правда, слишком высокомерно она себя повела при сватовстве Винокуровых.

— Вот то-то же! — удовлетворено кивнула няня. — Мужчинам нужно шептать, желательно ночью, о своих желаниях. Просить их. Они это любят. Но никак не указывать! Эта Скородубова видать усвоила такую науку, вот и едет теперь с Романом в столицу.

— Я тоже хочу в Петербург, — пробурчала Кристина, надувшись.

— И могла бы уже отправиться! Если бы гонор свой не показала. Но теперь тебе надо Василия обхаживать.

— Он не такой, как Роман, — буркнула тогда Кристина. — С чего ему в столицу понадобится?

— Но ведь Роман тоже не думал, что туда поедет, — заметила няня. — А вишь, как вышло. Кто сказал, что и Василий однажды туда не отправится? Для тебя важно — чтобы он тебя с собой взял, коли такое случится. А не нашел предлог оставить дома. В эту сторону и смотри.

После этого разговора Кристина поняла, что няня права, но чувство зависти к Анастасии Скородубовой не покидало. Она-то уже едет! Ох, как мечтала девушка блистать на столичных балах! А тут... приходится сидеть дома, на что-то надеясь.

— Нет уж! — выдохнула Кристина, резко поднявшись с кровати. — Я не собираюсь так долго ждать! Раз Василий хочет меня замуж взять, пускай пообещает в свадебное путешествие отвезти, как мы повенчаемся! — мысль крайне понравилась девушке и ее лицо озарила улыбка. — Да! Точно! Так ему и скажу. А не сможет — значит, и род у него худой, раз не способен свою жену даже в столицу свозить. А если я в Европу захочу? О чем тогда вообще речь вести?

Карета Романа

К ночи мы добрались до поместья некоего Савельева Кирилла Александровича. Помещик при виде нашего каравана очень удивился, но как и Митрохин предложил адмиралу свое гостеприимство. И девушкам тоже, но остальных разместить в своем доме не смог. На этот раз Аня с Настей от приглашения не стали отказываться — все же привыкли они к определенному уровню комфорта и, извинившись передо мной, ушли в дом. Остальных офицеров приняли у себя крестьяне из села, прилегающего к поместью. Мне тоже досталась комнатка на одном из подворий. Было жаль, что на этот раз я ночую не вместе с невестой, но это лишь подстегивало подумывать, как избежать подобного в будущем.

После ужина пшенной кашей, которую выставила приютившая меня семья крестьян, я взялся за тетрадь. В голову пришли воспоминания о домах на колесах из будущего. Будь у меня не карета, а такой дом — путешествие получилось бы в разы комфортнее и уж точно мне не пришлось бы разделяться с девушками, чтобы переночевать.

За основу подобного дома в нынешних реалиях я взял дилижанс. Его размеры мне были хорошо известны — достаточно пойти и посмотреть на те, в которых едут члены моей труппы. Далее — «выкинуть» все сидячие места и багажное отделение, получив чистое поле для творчества. В итоге я получил «платформу» длиной около трех с половиной метров и два метра шириной. Теперь можно было «творить». Первым делом разместил внутри большую кровать. Вспомнив о мебели-трансформер стер кровать и вместо нее нарисовал диван буквой «П» со столом посередине, который можно было бы сдвинуть вниз, превратив эту зону в спальную. Сам столик получился около полуметра шириной и в полтора длиной — вполне себе приличный по размерам. А «диваны» плюс этот столик превращались в большую кровать размерами два на два метра. В итоге оставалось свободным пространство полтора на два метра. Чуть подумав, отвел его под печку. Будет и обогрев, и место для готовки. Правда для багажа места уже не осталось, но его можно и на крышу определить. Вот только такой «дом» пара лошадей не утянет, лишь четверка. Ну да ладно, за все нужно платить. Черновой набросок есть, а дальше уже буду над ним более детально думать.

— Вот и занятие в пути появилось, — улыбнулся я.

Уверен, мои девушки заинтересуются таким домом и внесут свои предложения по его обустройству. Вот к примеру — под «диванами» ведь есть пространство — почему бы там часть багажа не разместить? И под потолком можно полки поставить для мелочей. Тут главное — не переутяжелить переделанный дилижанс, чтобы лошади смогли мою самоделку спокойно тянуть.

Утром, когда мы отправились в путь, девушки были хмурыми и невыспавшимися.

— Что случилось? — напрягся я, подозревая, что помещик мог донимать моих дам излишним вниманием.

Ответили те мне не сразу. Лишь убедившись, что мы отъехали на приличное расстояние, Настя «взорвалась»:

— Этот Кирилл Александрович — ужасный храпун! Нас положили в соседней от хозяйской комнате, но уж лучше бы разместили куда подальше. Только я начала засыпать, как послышался этот душераздирающий звук! Мне казалось, даже стены тряслись!

— Ты преувеличиваешь, — не поверил я.

— О-о, Анастасия скорее преуменьшает, — встала на сторону сестры Анна. — Я к тому моменту уже заснула, но буквально подскочила от храпа господина Савельева! Думала, что на меня рушится потолок! Как его супруга может это терпеть?! Никогда ранее ничего подобного не слышала. А ведь до того я думала, что папа храпит. Но он по сравнению с Кириллом Александровичем — лишь тихонько сопит в подушку!

— А у тебя как ночь прошла? — поинтересовалась моя невеста.

— Мне повезло, — хмыкнул я в ответ. — Спал как убитый и ничто мне не мешало.

— В следующий раз мы тоже лучше у крестьян остановимся, — постановила Аня с полной поддержкой сестры.

Чтобы отвлечь их от плохой ночи, я показал девушкам свои эскизы «дома на колесах».

— Ты решил придумать собственный вардо? — удивилась Настя, увидев рисунок.

— Что? — не понял я.

— Вардо... Ну, это дом на колесах у цыган так называется. Кроме них никто на таких не ездит, — пояснила невеста.

— А почему? Это же удобно.

Девушка не нашлась с ответом. Похоже, дом на колесах для аристократов плотно связан с цыганами. И мало кто из них хочет ассоциировать себя с ними. Ничем иным я не могу объяснить отсутствия такого полезного транспорта для путешествий у знати.

— Так давайте придумаем не вардо, а походную карету для длинных переходов, — решил я сместить акценты. Заодно я для себя сделал пометку — как в будущем подавать свою задумку аристократам. — Это точно лучше, чем останавливаться у разных «господ Савельевых», которые храпят, — добавил я.

Последний аргумент был особенно мощным для дам. Изучив мой эскиз, они сначала удивились, что в нем нет кровати, а как узнали о «трансформирующейся» мебели, тут же закидали меня вопросами — можно ли подобным образом сделать и другие атрибуты дома — шкаф, туалетный столик, гардеробную... Пришлось умирить пыл девушек, указав на ограниченность пространства стандартного дилижанса.

— А если его сделать больше? — тут же вскинулась Аня.

— И как лошади его с места сдвинут? — с насмешкой посмотрел я на нее.

— Жаль, что нас со столицей железная дорога не соединяет, — вздохнула Настя. — Я читала, что паровоз может тысячи пудов тащить! И один вагон, как три дилижанса по размеру. Вот где бы все уместилось!

И ведь не поспоришь.

— Пока железной дороги нет, — заметила Аня, — потому и мечтать о ней не стоит. Роман прав — надо такую походную карету делать. И раз в одной все не вмещается — сразу две!

— Две? — удивились мы с Настей.

— Конечно, — уверенно кивнула Аня. — Для бедных дворян и одна будет не по карману, а для богатых твое творение Роман, уж извини, крайне убого. Зато две кареты смогут вместить все необходимое для похода — и вот таким комплектом их уже будут брать.

Я задумчиво почесал затылок. Что-то в словах Анны было. И дальше мы принялись рисовать уже эскизы для двух карет с разным назначением — одну в качестве спального места, где и переодеться можно, а во второй по идее должна располагаться кухня-столовая. Печка в итоге в первом варианте «переехала» под кровать и должна быть исполнена в том виде, что стоит в моей карете, исполняя чисто обогревательную функцию. Кровать из «трансформера» превратилась в стационарную, но сдвинутую на одну сторону, чтобы появился сбоку проход. Так удобнее и привычнее к ней подходить и ложиться. А вот где я думал разместить кухню, нашлось место для гардероба и туалетного столика. Сам шкаф под вещи должен примыкать к передней стенке такой кареты со входом сбоку, а прямо перед ним устанавливается откидной столик с зеркалом.

Во второй «походной карете» размещается печь для готовки, стол для приема пищи с мягким диваном и багажное отделение под продукты. Там же располагаются полки для посуды. Повар должен ехать в этой же карете, а спать на том самом мягком диване, за которым днем принимает пищу дворянин. На этом мы пока и остановились. Дальше уже надо отдать наш «шедевр» просчитать какому инженеру или каретному мастеру — насколько все это выполнимо, а до того момента я сложил тетрадь с эскизами обратно в свой походный портфель.

Девушки через несколько минут заснули. Сказалась бессонная ночь. Это поначалу они кипели возмущением, а затем я их своей затеей увлек, вот и держались, а тут мерное покачивание кареты и тепло, которое шло снизу от печки, сделали свое дело. И теперь уже мои плечи стали для них «подушкой». И несмотря на то, что неплохо выспался, в такой приятной компании я и сам не заметил, как задремал.

Из царства Морфея нас вырвали довольно грубо и неожиданно. Вот мне снится, будто я в будущем начинаю новый бизнес по производству карет самого передового типа — с электроподсветкой, конями-киборгами, развивающими скорость под сотню верст и настраиваемым одной мыслью внутренним пространством, и вдруг — падаю резко вперед!..

Открыв глаза, я еле успел выставить вперед руки, чтобы не врезаться в переднюю стенку кареты лицом. Рядом со мной то же самое инстинктивно сделали Аня с Настей. Но все равно мы ушиблись от удара. Я — лбом, Настя — правым плечом, а Аня запястьем. И прежде чем я успел понять, что произошло, снаружи раздались гневные крики и ржание лошадей.

Глава 5

11 — 13 ноября 1859 года

Немного придя в себя, я полез на улицу. Все равно карета стояла, а разобраться — что случилось — было необходимо. Картина мне предстала нерадостная.

Одна из наших лошадей лежала на боку и никак не могла подняться. Тихон, видать от резкого рывка вперед, улетел под копыта лошадей и получил удар по голове. Сейчас он как раз выползал на обочину, а с его волос капала кровь. Другие экипажи не могли не заметить наших проблем и тоже остановились.

— Что произошло? Ты как? — подошел я к слуге.

— Ох, голова моя садовая, — протянул с мукой в голосе парень.

Я аккуратно убрал его руку и присмотрелся, насколько тяжела травма.

— Рассечение, надо бы промыть и забинтовать, — сделал я вывод.

Доктора у нас в караване не имелось, потому ничем еще помочь парню я не мог. Приказав подбежавшему от соседней кареты вознице найти чистую тряпку и воды, я пошел к лошади. Та встать сама так и не могла. Приглядевшись, я понял причину всей суматохи. В дороге была выбоина, которую сначала притопило водой, она замерзла, а затем и снежком припорошило. Вот в эту выбоину и попала лошадь копытом. От чего споткнулась и полетела кубарем. Похоже, еще и ногу травмировала.

— Выпрягать надоть, — прокомментировал увиденное еще один подбежавший возница.

— Позвольте, ваше благородие?

— Делай, — махнул я рукой.

Сам вижу, что дальше Пятнышко не сможет нормально запряженной идти. Хорошо если хотя бы своим ходом сможет двигаться.

— Что случилось? — подтянулся к нашей карете Николай Карлович.

Народу вокруг собиралось все больше и больше. Я кратко рассказал о том, что сам думаю.

— Все видел лишь Тихон, но сами видите, в каком он состоянии... — махнул я рукой в сторону парня, которому уже промывали рану.

— У нас же есть запасные кони? — повернулся адмирал к начальнику колонны Артюхову.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Замените лошадь Романа Сергеевича. Эту кобылу в поводу поведем.

— Если она сможет идти, — буркнул старший возничий Куренков, оглядывая копыто освобожденной из упряжи лошади.

— Хоть шагом-то двигаться способна? — уточнил Краббе.

— Только шагом, — вынес вердикт мужик.

— Георгий Витальевич, выделите человека, который поведет кобылу за нами следом.

Доберемся до ближайшей деревни и там остановимся. Погода, как я смотрю, тоже решила против нас пойти, — поднял взгляд на низко висящие тучи адмирал.

Да уж, тут он прав, скоро снег пойдет. Через четверть часа вместо Пятнышко впрягли другую лошадь, а Тихону уже перебинтовали голову. Парень немного пришел в себя, хотя его и мутило. Но выполнять обязанности кучера он был способен. Да и нашу карету трясет в разы меньше, чем любой иной транспорт, потому и заменять его не стали. Однако продвижение наше замедлилось.

Девушки после такого внезапного пробуждения и последующего разбора события были в весьма возбужденном состоянии.

— А Тихон не свалится в пути? — тараторила Настя. — А если он опять под копыта упадет? И снова мы в аварию попадем?

— Тихон не сам упал, а потому что лошадь споткнулась, — урезонивала ее Аня.

— Но сейчас-то ты видела его вид? Того и гляди — свалиться. Ветерка малого достаточно, чтобы его опрокинуть! А затем и мы под откос пойдем.

— Успокойся, — вздохнул я. — Я с ним говорил. Он на диван назад откинется и будет ехать, не упадет. А лошади не дурные, сами знают, куда ногу поставить и движемся мы шагом.

— Вот только недавно твоя кобыла поставила ногу не туда, и что случилось? — продолжала волноваться Настя.

— Там снегом припорошено было. Случайность. Вон, перед нами три дилижанса проехало — и никаких проблем у них не произошло. В дороге всякое бывает.

Угомонила девушка лишь, когда мы до деревни добрались. К счастью, до нее нам оставалось всего около двух километров — полчаса неспешной езды. А выбравшись из кареты, я возблагодарил бога, что мы остановились. Слушать причитания Насти и не сорваться на нее, чтобы прекратила, с каждой минутой становилось все тяжелее.

— Как себя чувствуешь? — первым делом подошел я к Тихону.

— Лучше, господин, — устало ответил парень. — В голове шумит чуток, но отлежусь.

— Не тошнит? — уточнил я.

— Пару раз к горлу подкатывало, но удержал.

А вот это плохо — похоже у него сотрясение. Не тяжелое, но точно есть. Где бы только доктора толкового найти? Мысленно я сделал себе еще одну пометку — при первой возможности обзавестись «аптечкой». Хоть какой-нибудь. Те же чистые бинты гораздо лучше были бы, чем та тряпка на голове Тихона, которую нашел возница с соседней кареты.

В деревне появление нашего каравана вызвало переполох. Особенно то, что мы не проехали мимо, а остановились на околице. Слуги принялись искать место для нашего постоя, договариваясь через старосту — где и сколько комнат нам могут выделить за денежку малую. Я дополнительно позвал Ивана Куренкова, чтобы он позаботился о Тихоне.

— Сам видишь, — говорил я старшему вознице, — парню оклематься надо, пока он свои обязанности выполнять не способен. Дашь человека, который его подменит?

— Тимофею скажу, — почесав бороду, ответил мужик. — Он пока ваших лошадей обиходит.

Как назло еще и снег повалил. Не зря Николай Карлович переживал по этому поводу. Да такой густой, что дальше сорока метров и не видно ничего было.

— Задержимся мы здесь, — заявил Краббе, собрав старших офицеров и пригласив меня, как лидера гражданских в караване. — Надо транспорт наш с колес на сани переставить. Сейчас вон сколько снега навалит — увязнем без саней.

Говорил он больше для меня, потому как остальные офицеры были бывальыми путешественниками и все прекрасно понимали. Я спорить тоже не стал, лишь добавил, что мой слуга этим заняться не сможет из-за травмы. И с лошадью надо было что-то решать. Ее довели до деревни, но в ближайшее время как тяговая сила она бесполезна. И в целом будет весь караван тормозить.

— Попробуй договориться с кем-нибудь из местных крестьян, — предложил мне Георгий Витальевич. — У них скотина имеется, к тому же прямо сейчас ничего возить не надо. Обменяй свою кобылу на местную, здоровую, а уж они ее выводят.

Другого варианта я тоже не видел. Что ж, придется так и поступить. Хотя к Пятнышку я уже успел привыкнуть, но такова лошадиная доля — коли перестала тянуть, то обычно забивают и лошадь в корм идет. Тут ей повезло, что есть шанс оклематься.

Ну а пока — ищем место на постой и ждем, пока завершится снегопад, и возницы сменят колеса на сани...

Царицын. Дом Михайлова

— Господин, — постучался в кабинет Бориса Романовича лакей, — к вам господин Невеселов. Просит принять.

— Зови, — махнул рукой аристократ и с удовольствием потянулся.

Засиделся он за бумагами, и сделать небольшой перерыв будет замечательно. Как глава дворянского собрания мужчина часто решал спорные моменты между разными помещиками и дворянами, но чтобы выполнить эту обязанность и не нажить себе кровного врага, приходилось вникать в тонкости разборок. И изучать не только то, что ему сказали сами дворяне, но и читать донесения того же Сеньки, которому Михайлов поручал сходить и «понюхать» воздух в домах спорщиков. Вот соглядатай и приносил кучу сведений, которые получал путем прямого наблюдения, да из разговоров с дворней спорщиков, с которыми Борису Романовичу требовалось ознакомиться и вычленить главное — первопричину спора и чего на самом деле хотят противники. Аристократ не раз и не два благодаря такой скрупулезной работе находил не очевидный выход из положения. За что и был ценим в обществе и получил за глаза прозвище «скользкий змей».

— Вижу, идете на поправку, — с улыбкой после приветствия заметил Борис Романович, кивнув на руку архитектора.

— Да. Повязку сняли вчера, но двигать ей пока сказали с осторожностью.

— Полагаю, вы не просто так пришли? — сев за стол, перешел к делу Михайлов.

— Конечно. Я нарисовал три проекта будущего массажного салона и хотел бы обсудить, над каким мне работать.

С собой у Антона Антоновича был кожаный тубус, из которого он достал три ватмана. Оглянувшись, выискивая, на что бы их можно было повесить, но ничего подходящего не нашел. Потому просто положил пока два своих наброска на стул, а третий развернул и стал держать на вытянутой здоровой руке.

— Вот, поглядите, — принялся расписывать свое творение Невеселов. — Тут представлен самый простой и дешевый вариант, но все в рамках задания.

— Хмм... — протянул мужчина, вглядываясь в рисунок. — Это вы так бревна изобразили?

— Да, все верно, — кивнул архитектор. — Все здания в этом варианте сделаны из бревен. Покрытие — просмоленные доски, общий стиль — наш, посконно-русский. Это самый дешевый и быстро возводимый вариант.

— Нет, мы за дешевизной не гонимся, — отмел предложение в сторону Борис Романович. — Что там у тебя еще есть?

— Второй вариант, — Антон Антонович убрал первый ватман, а вместо него взял со стула новый. — Все то же самое, но выполнено из кирпича. Расположение зданий я не менял, но общий их вид из-за другого материала выглядит иначе.

— Да уж вижу, — пробурчал Борис Романович, вглядываясь в рисунок и пытаясь представить, как весь массажный комплекс будет выглядеть на местности. — Уже лучше. Ну а что у тебя на третьем чертеже?

— Самый дорогой вариант, — снова поменял лист ватмана в руках Невеселов. — Тут строить будет хоть и из кирпича, но отделка камнем. Мрамором в первую очередь. И так как массажный салон вы хотите расположить на берегу реки, то здесь кроме самого комплекса я продумал еще и благоустройство прилегающей территории. В частности — облагораживание участка у реки и превращение его в набережную с небольшим причалом — для гостей из иных городов, кто прибудет на своей яхте, к примеру. У Романа Сергеевича тоже есть яхта, насколько мне известно, на ее габариты и ориентировался. Ну и кроме зданий комплекса тут мной были добавлены беседки для отдыха, обустроенные дорожки, разметка клумб... Такой проект будет строиться гораздо дольше, но на определенном этапе строительства уже можно будет ввести

его в эксплуатацию. Для начала поставить все основные сооружения, а потом уже взяться за набережную и парковую зону.

— Вот это уже гораздо лучше! — тут же одобрительно закивал Борис Романович. — Вот это и черти!

— Как скажете, — кивнул довольный Антон Антонович.

Ему и самому хотелось создать такое здание, которое станет жемчужиной их земель. Чтобы оно прославилось на всю страну, а вместе с ним прославило и имя Невеселова. Но он понимал, что заказчику этот вариант мог показаться слишком расточительным. Тот же помещик Рюмин, к примеру, точно бы остановился на первом чертеже, если бы ему вообще в голову пришло ставить подобный салон.

Когда Невеселов ушел, Борис Романович задумчиво покосился на бумаги. Затем глянул на часы — время близилось к обеду. Если сейчас он вновь погрузится в изучение поступивших сведений, то его обязательно снова прервут. Чего бы очень не хотелось. Потому решительно встав с кресла, мужчина пошел в зал. Можно немного и отдохнуть с чашечкой чая у камина.

Именно там его застал Николай Перов, приглашение на встречу которому Михайлов отправил практически сразу после памятного разговора с дочерью.

— Здравствуйте, Николай Васильевич, — кивнул зятю мужчина и указал на свободное кресло, — присаживайтесь. — Когда Перов с угрюмым взглядом сел на предложенное место и получил от слуги кружку с чаем, Борис Романович с полуулыбкой заметил. — А вы не спешили меня навестить.

— После тех слухов, что вы распустили обо мне? — раздраженно фыркнул мужчина. — Будто я как мужчина бессилен — вот и мучается ваша дочь? Потому и требует развода?

— Эти слухи распускал не я, — покачал головой Михайлов. — Вы сами обидели Арину, а уж обиженная девушка чего только не учудит.

— Это я-то ее обидел?! — вскинулся Перов. — Да она...

— Хватит, — оборвал зятя Борис Романович. — Я тебя не ругаться позвал.

Николай недовольно поджал губы.

— И для чего же? — хмуро спросил он.

— Арина дала мне твердое обещание, что больше не будет смотреть на других мужчин. Она раскаялась за свое поведение и хочет вернуться, — глаза Перова довольно блеснули, что не осталось незамеченным Михайловым. — Ты не больно-то радуйся! — повысил он голос. — Сам мою дочь до такого довел!

— САМ?! — не удержался от негодования Николай.

— Именно! Пошел у нее на поводу, разрешив позировать перед другим мужчиной в непристойном виде — раз, — загнул палец Борис Романович. — Отказался выполнять свой супружеский долг, унизив тем самым Арину — два, настроил ваших слуг против собственной жены, сделав ее жизнь невыносимой — три. Мне продолжать?!

Крыть Перову было нечем. Убедившись, что собеседник не может ничего возразить, Борис Романович смягчился.

— У Арины хватает недостатков. Самый главный из которых — чрезмерная увлеченность романами. Так реши эту проблему и все у вас наладится.

— И как это сделать? — скривился Николай.

— Вы уже больше года женаты, а детей у вас нет. Те слухи, о которых ты упоминал, не на пустом месте взялись. Разве кто-нибудь в них бы поверил, если бы у вас ребенок был? Чего тянете-то?

— Арина не хотела, — буркнул мужчина.

— И ты ее послушал, — усмехнулся Борис Романович. — Так чего сейчас на нее дуешься? У вас кто глава в семье — ты или она?

— Но если я начну вводить свои правила, она же к вам жаловаться побежит. Она не раз мне тем грозилась!

— А ты не подумал, что я тебя поддержать могу? — вкрадчиво произнес Михайлов. — Одно дело, если ты мою дочь непотребство делать заставляешь, или потворствуешь тому, и совсем иное — когда свои законные права мужа отстаиваешь. Я для тебя что отец второй должен быть! Ты меня не бояться должен, а за советом идти! — давил Михайлов. — Чего же позволяешь собой крутить, словно у тебя и чести то нет?

Слышать такое Николаю было неприятно. Он бы давно уже встал и ушел, но тесть был прав. Да и зла, судя по его словам, не желал мужчине.

— В общем, — подвел итог их беседе Борис Романович, — забирай Арину, принимай ее извинения, и исполни свой супружеский долг! А чтобы она на сторону не смотрела — почаще этим занимайся. Неужто тебе противна моя дочь в постели?

— Нет, — буркнул Николай. — Нет такого у меня чувства.

— Так за чем тогда дело встало? — удивился Михайлов. — А как она забеременеет, а потом разродится — так и не останется у нее времени на глупости всякие. За дитем пригляд нужен. Понял меня?

— Да.

— Заодно и епархию нашу обрадуете, — удовлетворенно подвел черту Михайлов. — Все, иди. Арина в своей детской комнате сидит.

Идя после разговора с тестем к комнате своей жены, Николай вспоминал последние прошедшие дни после их расставания.

Он видел глаза Арины тогда, на встрече с иереем по поводу возможного примирения. В них не было раскаяния. Она считала себя жертвой и сумела убедить в том даже священника! А затем пошли слухи...

Мужчина не сразу обратил на это внимания, но его стали реже звать знатные особы для помощи в лечении. Даже помещики из удаленных мест предпочитали отправиться в город, чтобы получить помощь от городских врачей, чем от него. А ведь Николай — уездный доктор! Именно он обязан срываться по вызову не только когда крестьянин какой заболит, но и если в семье дворянина что-то произойдет.

О слухах он узнал случайно, от собственных слуг. Те остались верны ему, вот Меланья, их горничная, и поведала как-то, видя своего господина в хмуром состоянии. Утешить хотела, сказала, чтобы он не обращал внимания на дурные слова, а Николай-то о них до того момента и не знал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.